

Каролингское возрождение известно нам по школьным учебникам. Это расцвет после нескольких веков темного царства. Хорошие учебники (например, учебник М. А. Бойцова и Р. М. Шукурова) стараются даже в раннем возрасте внедрить в наши головы какое-то представление об относительности всех подобных терминов. И мне тоже кажется, что это нехитрое словосочетание надо все-таки использовать с кавычками. И непонятно, что ставить с большой буквы, а что — с маленькой. Хотя бы для того, чтобы не путать его с большим Возрождением.

Словосочетание «Каролингское возрождение» подсказывает нам, что речь идет об эпохе Каролингов, примерно о столетии с середины VIII до третьей четверти IX века, то есть с Пипина Короткого, отца Карла Великого, до Карла Лысого, короля франков и императора, внука Карла Великого. До этого было королевство Меровингов, как бы ленивых королей, каких-то недоразвитых, с точки зрения Каролингов. И после ухода из жизни Карла Лысого — распад каролингской державы, обусловленный еще Верденским договором.

Но что такое это самое возрождение? Что, собственно, возрождали, если что-то лежало под спудом? Что подняли на поверхность культуры? Когда мы говорим «Ренессанс» и «Возрождение», то нам сразу чудятся какие-то античные тексты и ценности, причем судим мы часто абстрактно. Потому что даже среди моих замечательных и умных студентов каждый десятый читал и Горация, и Вергилия, и Овидия. Может быть, каждый пятый читал хотя бы кого-то из них. И мы считаем себя вполне цивилизованной нацией. А вот школяры эпохи Карла Великого вообще-то учились на таких текстах. И есть такой историографический миф, основанный немножко на самовосприятии интеллектуалов эпохи Карла Великого и его наследников, что, мол, до нас была полная *rusticitos*, как говорили на латыни, то есть «деревенщина», а вот мы сейчас вам расскажем, кого надо читать и на какой латыни надо писать.

«Карл Лысый на троне». «Библия Сан-Паоло-фуори-ле-Мура», Реймс. Ок. 875 г. Рим, Базилика Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, Монастырская библиотека. Рукопись без шифра. Л. 1

Но важно не это, не самоидентификация и не риторика Возрождения, а важно понять целеполагание. Вот это, мне кажется, вопрос принципиальный. Карл Великий вел успешные войны и был, видимо, хорошим воином и в то же время в большей степени организатором, чем его предшественники. Но многому он мог научиться уже у своего отца, Пипина Короткого. Короткого — видимо, потому, что он был невысокого роста. Но невысокий рост не мешает быть вождем. Карл Великий тоже был, кстати, невысокого роста. Немножко такой коренастый, почти без шеи, с пузиком, любил поесть, очень любил охотиться. Абсолютно возрожденческий государь. Но что-то он как-то не очень похож на Козимо Медичи или тем более Лоренцо Великолепного. Он не писал стихов и подписывался с помощью такой пластиночки, в которой была прорезана монограмма его имени — *Carolus*, потому что писать он не умел. Моторика пальцев у него была развита недостаточно. Хотя Эйнхард, его младший товарищ и по-своему друг — нижестоящий, но все-таки друг, рассказывает, что он свободно говорил по-латыни и даже что-то понимал по-гречески.

Я не очень верю в то, что он знал по-гречески больше 20 слов. Но на латыни он вполне мог говорить, потому что в те времена германцы (напоминаю, франки — германцы) жили рядом с бывшими галло-римлянами. И такая испорченная латынь была еще разговорным языком каролингской знати. Скорее всего, они были двуязычными. Для нас сейчас с вами двуязычие — это уже своеобразная индивидуальная особенность. Есть какие-то семьи двуязычные, смешанные. Кто-то с детства выучил хорошо английский или французский. Но вообще-то двуязычие — нормальная ситуация для культурных и политических элит в самых разных цивилизациях — у арабов с персидским языком в разные эпохи, у иудеев, евреев.

Евреи на протяжении всей своей истории диаспоры были дву-, три- и даже многоязычными. Что-то подобное, видимо, было и во времена Карла Великого, когда говорили одновременно на так называемом народном языке — будущий *Deutsch*, *Tudesca lingua*, очень неразвитый еще какой-то этот западнофранкский,

восточнофранкский германский язык с многочисленными испорченными латинскими вкраплениями. И наконец, был язык высокий, язык богослужений, язык Библии — латынь. И она, как казалось интеллектуалам вокруг Карла Великого и отчасти ему самому, была испорчена. А для единства государства требуется какой-то язык, который всех объединяет.

И поэтому Карл провел целый ряд реформ, прежде всего по унификации богослужения. Империя Карла Великого включала в себя многочисленные земли бывшей Западной Римской империи: Галлию, часть Иберии, часть нынешней Испании — Барселону, Каталонию, Пиренеи, а также большую часть Италии (он победил лангобардов), новые германские земли, которые не входили в римский ореол. На самом деле надо понимать, что было такое ядро, нуклеус, пограничные марки, куда рассылались государевы посланцы, как их тогда называли. Иногда из них делали графов, иногда — маркграфов. Возникают марки. Это все политическая составляющая. Но главным объединяющим фактором для них была, конечно, религия. В учебниках, прежде всего в университетских учебниках, вам расскажут и про какие-то другие истины, про так называемую феодализацию этого общества. Феодализация действительно шла, потому что культура с экономикой, социальными связями, конечно, связана. Но тексты, которые мы читаем, говорят нам все-таки не о севообороте прежде всего, не о техниках обработки полей, а часто о спорах за земли, за людей и, конечно, спорах о главном — о том, как мы молимся Богу.

Так называемые варварские королевства (подчеркиваю, так называемые) на самом деле подготовили более чем почву — они подготовили плодотворную ниву для этого Возрождения. Именно поэтому, я подчеркиваю, термин этот вполне приемлемый, он должен использоваться нами все-таки с определенными кавычками хотя бы в голове. Я не претендую на то, чтобы исправить все учебники. Но мы должны понимать, что Беда Достопочтенный, не входящий ни хронологически, ни географически в Каролингское возрождение, ничем не уступит в интеллектуальном или литературном плане тому же Алкуину, одному из главных деятелей этого самого возрождения. Беда Достопочтенный, отец церкви, но не святой, пишет жития святых, наблюдает закаты, восходы, приливы, отливы, фазы Луны, вычисляет дату Пасхи, одновременно он такой римский католик, в отличие от многих его contemporaries на Британских островах, которым кажется, что Британия сама по себе. Британская исключительность. Не мне вам рассказывать, как это важно для современной британской самоидентификации. Беда — основоположник не только английской историографии. Он автор «Церковной истории народа англос». Этот его текст — это своеобразная учредительная хартия вообще английской самоидентификации. Как ты мыслишь свое прошлое, так же ты мыслишь и свое настоящее.

Беда, живущий на Британских островах, вообще никогда не входивших в политическое единство Каролингов, общавшихся, но не более того, Беда — человек не менее возрожденческий, чем придворная академия Карла Великого. Более того, есть и своеобразная человеческая преемственность. В 780-х годах двор Карла Великого, еще

довольно яркий, но все-таки это не возрожденческий двор, находит Алкуина из Йорка, которому суждено было стать главным педагогом, мыслителем этого своеобразного интеллектуального кружка, который они немножко с чувством юмора, немножко с претензией называли академией. Этот Алкуин — британец, то есть он пришлый для франков, для италийцев, то есть выходцев из Италии. Были там и люди из Аквитании. Теодульф Орлеанский был, скорее всего, потомком вестготов. Некоторые были германцами. Эйнхард был франком, если не ошибаюсь. Все они носили какие-то хитрые имена.

Алкуин, пришелец, стал одним из основателей и вдохновителей своеобразного кружка поэтов, мыслителей, политических деятелей, советников Карла, настоящих писателей, мастеров слова, удивительных поэтов — они сами называли это академией. Вообще слово «академия» для любых таких течений возрожденческого типа обладало каким-то особым флером. Во Флоренции эпохи Лоренцо Великолепного тоже была такая как бы академия, не имевшая никакого официального статуса. Вот и здесь что-то подобное. Карл стал Давидом, Теодульф стал, если не ошибаюсь, Горацием, кто-то стал Вергилием, кто-то — Гомером, кто-то — Сократом. Мы даже многих можем не знать по именам, потому что кто-то оставил сочинения, а кто-то нет. Они, конечно, сделали из латыни культ. Но они не сделали культа из языческой античности. Поэтому мне кажется, что это прежде всего обновление римского древнего христианства, а не римского язычества.

Они могли использовать метафорику и аллегории античной литературы, для того чтобы говорить о том, во что они по-настоящему верили. Но вот возьмем Теодульфа Орлеанского — замечательный поэт, вполне знавший античное наследие. Будучи епископом Орлеана (это более-менее один из культурных центров того времени), он в собственном поместье — сейчас это Сен-Жермен-де-Пре — строит себе небольшую капеллу при своем поместье. Он сам там молится. И в апсиде размещает, заказывает мозаику (это, конечно, очень дорогая штука, даже маленькая мозаика). Она, к счастью, сохранилась. И на ней мы видим изображение ковчега Завета, который несут ангелы. Ковчег Завета светится золотом, идет надпись гекзаметром, написанная им самим. Теодульф, напоминая, прекрасный поэт. Значение этой надписи состоит примерно в следующем: «Молящийся, посмотри на этот ковчег и увидь в нем присутствие Божества, а когда ты будешь молиться этому Божеству, пожалуйста, не забудь и Теодульфа, который это все сделал». Такая нормальная короткая надпись, по счастью, сохранившаяся. Кстати, очень немного сохранилось памятников того времени. Сама архитектура сильно перестроена в XIX веке довольно варварской реставрацией. Но конха, по счастью, такая, какая она есть.

Так вот, Теодульф, будучи типичным представителем этого возрождения, говорит об изображениях Божества довольно странно. Он говорит: «Если изобразить красивую женщину и не написать на изображении, что это Дева Мария, я могу вообще-то ее и с Венерой спутать. И это совершенно другое. Поэтому давайте мы лучше их не будем изображать. А вот ковчег...» Это единственная конха апсиды, где изображен ковчег Завета, описанный в Ветхом Завете, потому что все остальные изображали крест,

распятие местного святого, Преображение, Вознесение, Страшный суд. А Теодульф говорит: «Нет, нельзя». И, наверное, это неспроста. Это что-то должно рассказать нам о Каролингском возрождении. Они возрождали великий текст. Они хотели, чтобы все верили так же с умом и с чувством, как они сами. Они хотели, чтобы их вера была, как бы мы сейчас сказали, разумна и по-своему научна. И в этом подходе к святыне, таком умном подходе, тонком, чувствительном подходе к святыне и своей вере, наверное, главное, что сами они искали. Описывать мы это можем как угодно. Но важно понять, как думали люди того времени.

Источник — «ПостНаука»

Превью: Изображение: «Ковчег Завета». Мозаика.Конха апсиды в капелле в поместье Теодульфа Орлеанского.Ок. 800 г. Сен-Жерминьи-де-Пре